

СИЛКИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Кандидат исторических наук старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
alexander.silkin.as@gmail.com

**Вукашин Маркович как «зеркало русской революции»
(статья написана в рамках проекта РФФИ № № 19-09-00163)**

Аннотация: В статье реконструируется революционный путь черногорского коммуниста Вукашина Марковича. Подобно тому, как после XX съезда в Советском союзе получил распространение миф о «Ленинской гвардии», в восточноевропейских государствах тоже начали вслух сокрушаться о судьбе собственных коммунистов, павших жертвой «сталинских чисток». С одной стороны, так проявлялось ослабление политико-идеологического гнета Москвы, которому подвергались «страны народной демократии». С другой, с 1920-х гг. все значимые процессы и кампании, происходившие в РКП(б)/ВКП(б)/КПСС, в той или иной форме копировались в вассальных компартиях. Судьба иностранных коммунистов в СССР, репрессированных в эпоху «Большого террора», служит важным уроком, приближающим к пониманию исторического пути России в XX в. Во многом революция и гражданская война с ее катастрофическими последствиями - дело их рук. Однако с этими «безумными романтиками», как называл их Анджей Вайда, расправились люди и созданные ими репрессивные институты куда более последовательные в своем людоедстве. Эту «эволюцию» мы наблюдаем в документах, повествующих об иностранных коммунистах, решивших «помочь строительству социализма».

Ключевые слова: Вукашин Маркович, черногорский коммунист, революция, Россия, Югославия, Коминтерн, репрессии.

Подобно тому, как после XX съезда в Советском союзе получил распространение миф о «Ленинской гвардии», в восточноевропейских государствах тоже начали вслух сокрушаться о судьбе собственных коммунистов, павших жертвой «сталинских чисток». С одной стороны, так проявлялось ослабление политико-идеологи-

ческого гнета Москвы, которому подвергались «страны народной демократии». С другой, с 1920-х гг. все значимые процессы и кампании, происходившие в РКП(б)/ВКП(б)/КПСС, в той или иной форме копировались в вассальных компартиях.

Размышляя об участии расстрелянных партийных и военных деятелей и их посмертной реабилитации, нельзя не задаваться вопросом: что произошло бы, останься в живых Бухарин и Тухачевский, Милан Горкич¹ и Адольф Варский². Возможен ли какой-либо иной альтернативно-исторический сценарий, кроме «оптимистического»? Ведь жертвы репрессий в большинстве публицистических и историографических работ до сих пор изображается весьма комплиментарно. Показательна аннотация Анджея Вайды к книге Иоанны Ольчак-Роникер, посвященной основателям Коммунистической партии Польши (КПП): «Работящие позитивисты, которые видели свою главную задачу в труде – служении народу. Безумные романтики, поверившие, что можно до основания потрясти мир»³. Аналогично характеризовал мотивацию югославских коммунистов хорватский историк Иван Очак, по словам которого членами Коммунистической партии Югославии (КПЮ) двигал «восторг в связи с победой Октябрьской революцией и желание помочь СССР в строительстве социализма»⁴. Обильную пищу для рассуждений в сослагательном наклонении содержат документы из личного дела черногорского коммуниста Вукашина Марковича, которому как нельзя лучше подходят вышеприведенные вайдовские эпитеты.

-
- 1 Горкич Милан (наст. имя и фамилия Чижински Йосип) (1904–1937) – югославский коммунист (с 1919 г.), чех по национальности. В Москве – с 1924 г. Работал в Балканском секретариате Коминтерна, занимал должности в руководстве КПЮ, Исполкоме Коммунистического Интернационала молодежи. Часто ездил в Европу с партийными заданиями. С 1930 г. – представитель Коминтерна в Компартии Великобритании. С 1932 г. – секретарь ЦК КПЮ. В основном работал в коминтерновских ячейках за рубежом. В 1935 г. – делегат VII конгресса Коминтерна, избран в Исполком Коминтерна. В 1937 г. вызван в Москву, арестован, расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.
 - 2 Варский Адольф Ежи (полное имя – Адольф-Георг Саулович Варшавский, 1868–1937) – польский революционер, деятель социалистического и коммунистического движений Польши.
 - 3 *Роникер-Ольчак И.* В саду памяти. М., 2006. 384 с. (четвертая страница обложки)
 - 4 *Očak I.* Iz povijesti jugoslavenske emigracije u SSSR-u između dva rata // *Radovi.* 1983. № 16. S. 128.

* * *

Анализируя феномен югославской коммунистической эмиграции в советской России в межвоенное время, И. Очак выделяет четыре категории ее представителей: «Первую составляли студенты и офицеры, которые, прибыв в царскую Россию еще до Первой мировой войны, остались в ней и после Октябрьской революции; вторая группа формировалась из бывших военнопленных австро-венгерской армии, - сербов, хорватов и словенцев, - многие из которых приняли участие в революции и не вернулись после нее на родину; третью составила партийная эмиграция, к которой относились те, кого специально отправляли в СССР учиться или работать в Коминтерне; и последняя четвертая группа – наши экономические переселенцы из США, Канады и других стран мира, которые прибывали в “первое социалистическое государство”, дабы поспособствовать строительству социализма»⁵.

Относившийся к первой категории В. Маркович оказался в России в 1892 г. К этому времени ему было около 20 лет. Неуверенность в том, когда родился наш герой, – следствие того, что, реконструируя его биографию, мы вынуждены в основном опираться на источники двух типов - условно достоверные и весьма сомнительные. А именно, с одной стороны, на скудные документы российского Департамента полиции и коминтерновское личное дело В. Марковича и, с другой, на мифы и легенды, которые он сам распространял о себе, и которым югославские публицисты/историки придавали форму газетных/журнальных очерков. Из последних мы узнаем удивительные подробности жизни «большевистского буреветника», как, например, что в 1903 г. он принял участие во II съезде РСДРП (в Лондоне), а в 1937 г. во время первого допроса на Лубянке «сразу схватил со стола пепельницу и разбил ею голову энкавэдэшнику»⁶. И, несмотря на красочность повествования этой и подобных публикаций, некоторые сообщаемые в них более-менее правдоподобные детали способны дополнить информацию, содержащуюся в скупых коминтерновских справках и автобиографиях. Например, в них, не указано, что В. Маркович жил в гражданском браке с французской революционеркой Жанной Лябурб. Однако

5 Ibid. S. 109.

6 *Marković V.* Portret dr Vukašina Markovića // “Dan”. 2011. 8-19 септембра. (<https://ru.scribd.com/document/234454891/Vasilije-Markovi%C4%87-Portret-dr-Vuka%C5%A1ina-Markovi%C4%87a>)

вернемся к началу жизненного пути черногорского революционера, дабы установить наиболее важные его этапы.

В. Маркович родился в 1871 г. (по другим сведениям, в 1874 г.) в «бедной крестьянской семье» в черногорском селе Стиена, населенном представителями племени Пиперы⁷. О первых двух десятилетиях его жизни мы знаем немного. Хорватский публицист Петар Пожар сообщает, что в гимназии Маркович учился не на родине, а в соседней Сербии – в городе Ягодина, где у будущего революционера имелись родственники⁸. Стремясь продолжить образование, юный Вукашин решил перебраться в Россию. Осуществить задуманное удалось, когда ему повезло устроиться кочегаром на пароход. Если верить тому же автору, в 1892 г. на нем отправился в плавание черногорский князь Никола⁹.

Отметим, что в нашем распоряжении имеются документы, которые несколько иначе трактуют как соображения, по которым эмигрировал В. Маркович, так и невольную роль черногорского монарха в его жизни. В написанной во второй половине 1920-х гг. биографической справке видные деятели Коммунистической партии Югославии (КПЮ) Милан Горкич и Брацан Брацанович утверждают, что В. Маркович уже «в раннем возрасте... в своих стихотворениях клеймил гнет наследственной аристократии во главе с тогдашним князем Николаем Петровичем и указывал на необходимость непримиримой борьбы народа для свержения этого гнета. [...] Ввиду постоянного преследования со стороны черногорских властей т. Маркович был вынужден покинуть страну»¹⁰.

Следует признать, что о первом десятилетии пребывания Марковича в России нам тоже известно немного.

По информации советского историка-югославииста В.В. Зеленина, в 1898 г.¹¹ он окончил Донскую семинарию, после чего, по-ви-

7 Пиперы – одно из черногорских племен, праотцом которого считается некий Воевода Пипо. Его брат Васое считается «основателем» племени Васоевичей. Населяют область к северу от Подгорицы, между реками Морача и Зета.

8 *Požar P. Jugosloveni – žrtve staljinskih čistki (dokumentarna kronika)*. Beograd, 1989. S. 54.

9 Никола I Петрович-Негош (1841–1921) – князь и король (1910–1918) Черногории.

10 Москва-Сербия, Белград-Россия. Сборник документов и материалов. Том 4. Русско-сербские отношения. 1917-1945 гг. / Сост. А. Тимофе́ев, Г. Милорадовић, А.А. Силкин. М., 2017. С. 358.

11 *Зеленин В.В. Под красным знаменем Октября. Югославянские интернационалисты в Советской России. 1917-1921. М., 1977. С. 75.*

димому, некоторое время обретался в Петербурге, где «познакомился с рабочим революционным движением и начал принимать участие в рабочих революционных кружках»¹². Об этом говорится во второй справке, составленной начальником отдела кадров Исполкома Коминтерна Беловым¹³ в 1942 г., - то есть уже после ареста нашего героя органами НКВД. В 1903 г. он вступает в РСДРП, а в следующем - поступает в «Харьковский ветеринарный институт». По словам М. Горкича с Б. Брацановичем, «революция 1905 г. застала т. Марковича в означенном институте, и в таковой т. Маркович принимал самое активное участие». Кадровики ИККИ уточняют, что в Харькове он «был одним из организаторов студенческих и рабочих собраний и митингов». Одновременно балканский революционер «путем переписки с товарищами в Черногории и Сербии вел агитацию против существующего там режима». После поражения революции В. Маркович несколько раз подвергался арестам.

О том, чем занимался В. Маркович в 1912-1915 гг. можно судить на основании имевшей место в 1915 г. переписки эвакуированного в Ниш российского Императорского вице-консульства в Белграде с Департаментом полиции в Петрограде. Из письма дипломатического представительства следует, что в начале 1915 г. «черногорско-подданный» явился в располагавшееся в Нише Славянское благотворительное общество при шашке и в русской форме с погонями гражданского образца 6 класса. Не сумев подтвердить собственных прав на форму и оружие, Маркович, тем не менее, попросился на службу, а также поведал о проделанном за последние годы боевом пути. По его словам, в 1912 г. он «был командирован управлением Российского красного креста на войну под Адрианополь, в 1913 г. был снова командирован в Сербию на вторую войну, после Второй балканской войны был командирован на холеру в Сербию, в 1914 г. участвовал добровольно на войне в Галиции и в Польше до ноября прошлого года (1914 г. – А.С.); в начале ноября за свой счет отправился на сербско-австрийский фронт, где был дивизионным и полко-

12 Москва-Сербия, Белград-Россия... С. 360.

13 Белов (псевд, наст. фамилия Дамянов) Георгий (1892-1958) – деятель болгарского коммунистического движения. Член КП Болгарии в 1919-1958 гг. В 1925 г. эмигрировал в СССР. В 1926-1944 гг. член ВКП(б). В 1937-1942 гг. зам. зав. ведущего, в 1942-1943 гг. зав. отделом кадров ИККИ. В сентябре 1944 г. вернулся в Болгарию.

вым врачом Шумадийской дивизии, а после взятия обратно Белграда был назначен главным врачом главного госпиталя в Белграде»¹⁴.

Что из рассказанного соответствовало действительности, установить нельзя. Точно не последнее утверждение, так как достоверно известно, что незадолго до начала Первой мировой войны «доктор Маркович состоял на службе в Мариинской больнице для бедных в качестве врача-экстерна». Весной 1914 г. он числился «сверхштатным младшим медицинским чиновником», которого семипалатинский губернатор определил в Павлодарский уезд. Получив в качестве путевого довольствия 596 рублей 11 копеек, Маркович к месту службы не явился, в связи с чем Управление главного врачебного инспектора грозило ему карами небесными. В июне 1915 г. вышеуказанное общество отправило бывшего «главврача» в Черногорию «на усиление личного состава санитарного отряда».

1917 год В. Маркович встречает уже в Петербурге. По словам М. Горького с Брацановичем, «в Октябрьской революции т. Маркович также принимал активное участие, и его революционная деятельность известна Коминтерну и ЦК РКП(б) (т.т. Пятницкий, Зиновьев, Сталин)». В частности, по информации В. Зеленина, в ходе Октябрьского восстания в Москве черногорец «сражался на Арбате и на Воробьевых горах». Нам неизвестно, участвовал ли и он далее в боевых действиях. Документы фиксируют его активность на партийно-организационном поприще, пик которой приходится на период с апреля по ноябрь 1918 г.

В апреле В. Маркович – на Всероссийском съезде военнопленных социал-демократов-интернационалистов. Спустя месяц «проживавшие в Москве югославянские коммунисты “организовали Югославянскую коммунистическую эмигрантскую партию”»¹⁵ которая в июне преобразована в Южнославянскую группу РКП(б). В. Маркович, игравший заметную роль в новом объединении, возглавил ее печатный орган – газету «Всемирная революция». Кроме того, в августе 1918 г. он назначен руководителем Отделения южных славян Народного комиссариата по делам национальностей¹⁶. Летом В. Мар-

14 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102 (Департамент полиции Министерства внутренних дел). Оп. 73 (2-е делопроизводство. 1915 г.). Д. 72ч.423 (О черногорском подданном лекаре Вукашине Марковиче). Л. 5-18.

15 Зеленин В.В. Указ. соч. С. 127.

16 Učešće jugoslovenskih radnih ljudi u Oktobarskoj revoluciji i građanskom ratu u SSSR. Zbornik dokumenata i materijala. Beograd, 1979. S. 134.

кович совершил поездку на Восточный фронт, прислав 19 июля товарищам по группе тревожную телеграмму: «Сербскохорватские офицеры расстреливают в Казани коммунистических товарищей».

29 июля состоялось выступление на московском митинге иностранных коммунистических групп: «Довольно обманов... Мы пробудились. Вступаем в борьбу против *всех* (курсив мой – А.С.). Война не заканчивается, а только начинается. Пролетариат *всего* мира – наши братья по оружию. Будь проклят *весь* буржуазный мир. Только мировая революция устранил этих угнетателей и мучителей народа»¹⁷. 25 сентября В. Маркович уже в качестве председателя ЦК Южнославянской группы РКП(б) подписывает обращение к «рабочим и крестьянам» югославянских народов: «Дабы не пропасть постыдно, напряжем свой ум и поспешим встать под международное красное знамя... на благо *всего* человечества».

Ненадолго отвлекаясь от реконструкции революционного пути нашего героя, отметим, что марксистским универсализмом окрашены все его тексты и выступления. Яркой иллюстрацией служит заявление в ЦИК III Интернационала¹⁸ от 10 декабря 1919 г.:

«В последние три года я по всей России организо[вы]вал среди разных наций партийные группы, ячейки, митинги, лекции и партийные школы между китайскими, афганистанскими, корейскими, бухарскими, киргизскими, татарскими, башкирскими, турецкими, югославянскими, польскими, украинскими и русскими рабочими и крестьянами, а также и среди военнопленных венгерцев, немцев, французов, англичан, чехов и др.

Приходилось много раз выступать на общих интернациональных митингах в пользу образования ЦИК Ком[мунистического] III интернационала. В настоящее время ЦК партии меня командировует в Политотдел поезда «Красный Восток» для агитации среди народов Востока и организации партийно-агитационных школ. С этой целью мне оказывает поддержку ВЦИК, Президиум которого дал мне соответственный мандат.

После работы на Востоке я буду просить отправить меня с таким [же] заданием на Запад и в Америку.

17 Ibid. S. 137.

18 III Интернационал (Коммунистический интернационал, Коминтерн) – организация, объединявшая компартии различных стран в 1919–1943 гг. Создана по инициативе В.И. Ленина. Первый глава Исполкома Коминтерна (ИККИ) – Г.Е. Зиновьев (1919–1926); последний – Г.М. Димитров (1935–1943).

*Поэтому прошу ЦИК III Ком[мунистическо]го Инт[ернацио-
на]ла дать мне мандат на право агитации и организации партий-
но-агитационных школ среди народностей всех стран.*

*Лектор-агитатор, инструктор ВЦИК,
партбил[ет] № 5033*

В. Маркович»¹⁹

Увы, масштабность революционных замыслов и кипучая энергия не встретили понимания со стороны товарищей по партии. На перевыборах председателя Южнославянской группы, состоявшихся 4 октября 1918 г., за его кандидатуру не было подано ни одного голоса. А 5 ноября во время конференции группы, по требованию ее членов, ему не предоставили слово. Под тем предлогом, что он, якобы «сеял раздор в группе и говорил в федерации иностранных групп, что в группе имеется провокатор. Маркович встает и, уходя, кричит: “Так и есть. Среди вас – провокаторы!” На требование указать их он отказывается и заявляет, что назовет их имена в ЦИК. После этого он уходит»²⁰.

Как отнеслись к подобным разоблачениям в Исполкоме Коминтерна, нам неизвестно. Без особого сочувствия, судя по «заявлению» В. Марковича от февраля 1920 г., в котором он описывает свой конфликт с двумя функционерами ИККИ - деятелем венгерской компартии Эндре Руднянским и Н.И. Бухариным:

*«Товарищ Бухарин на митинге распространяет взятую у ко-
го-то злостную клевету обо мне как о порочном коммунисте. Я на
одном митинге... предупредил т. Бухарина, что эти слухи являются
результатом гнусного покушения шпионов Антанты (сербов) окле-
ветать меня... и, несмотря на это предупреждение, т. Бухарин язви-
тельным и оскорбительным тоном упрекал товарищей, зачем они
допустили меня присутствовать на митинге... Когда я подошел к т.
Бухарину,... тогда т. Бухарин стал меня порочить перед членами ЦК
III Интернационала, что я якобы издеваюсь над трупами Розы Люк-
сембург и Карла Либкнехта, и тут же настроил против меня [одно-
го из руководителей Коминтерна] т. Руднянского, указывая на меня
пальцем с повышенным тоном: «Вот еще с кем имеете дело». Тогда
т. Руднянский, стиснув деревянную палку своей правой рукой, стис-*

19 Москва-Сербия, Белград-Россия... С. 358.

20 Učešće jugoslovenskih radnih ljudi u Oktobarskoj revoluciji... S. 193.

нул зубы, вытаращил глаза, поднял руку с палкой и, приняв угрожающую позу, громко крикнул: «Я вас изобью, вы сумасшедший человек».

Размышляйте как хотите, товарищи, но такие поступки даже милого, симпатичного т. Бухарина по-моему омерзительны с точки зрения товарищеской, коммунистической. Прошу это дело как можно скорее разобрать [...]»²¹.

Закат партийно-административной карьеры, по-видимому, вынудил В. Марковича, сосредоточиться на пропагандистско-агитационной работе, что подтверждается и вышеприведенным заявлением (1919). Весной 1921 г. он отправляется на родину – в Черногорию, которая с конца 1918 г. входила в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев. Как сообщают Горкич и Брацанович, «приехав в Югославию, т. Маркович активно работал среди крестьянских масс в Черногории. Узнавши о его коммунистической пропаганде, белградское правительство в июле месяце 1921 г. арестовало т. Марковича и отправило в Белград». По результатам допросов белградская полиция составила о нем следующее заключение, вошедшее под № 864 в справочник сведений об «опасных агитаторах» и прочих деятелях запрещенной коммунистической партии, предназначенный для внутреннего пользования Отдела государственной безопасности Министерства внутренних дел Королевства СХС:

«Маркович Др. Вукашин – врач, родом из Черногории. Воспитанник русской большевистской школы. Комиссар по югославским вопросам в России. Фанатичный большевистский агитатор. Один из основателей югославской партии в России и член югославянского совета в Москве. Недавно вернулся из России и на допросе признался, что является близким другом Троцкого. Его предупредили, чтобы он здесь не занимался агитацией, однако он тем не менее, целую ночь по приезде провел среди своих родственников, рассказывая им о большевистском режиме и восхваляя его. Когда его привлекли за это к ответу, заявил, что мы ничего не смеем с ним сделать, так как наши граждане, все еще находящиеся в России, взяты в заложники, дабы обеспечить ему свободу передвижения по нашему королевству. В настоящий момент Маркович находится под арестом в Полицейском управлении города Белграда. Вообще говоря, больной патологический тип (согласно рапорту от 1919 и 1921 гг.). Р. Бр. 2142»²².

21 Москва-Сербия, Белград-Россия... С. 382.

22 Там же. С. 381.

Если относительно того, что В. Маркович был «на дружеской ноге» с Троцким, имеются некоторые сомнения, то утверждение о заложниках выглядит правдоподобным. Известно как то, что большевики массово интернировали иностранных граждан, дабы, в частности, гарантировать неприкосновенность собственных засланцев²³, так и то, что товарищи В. Марковича по разнообразным эмигрантским партийным организациям горячо желали участвовать в этом процессе - «набирать известных югославянских граждан в качестве заложников... считаясь с существованием белого террора в Югославии и с гонением коммунистов». Как раз весной 1921 г. Центральное югославянское бюро (ЦЮБ) при ЦК РКП(б) и Югославянский совет рабочих и крестьянских депутатов обратились в Политбюро ЦК РКП(б) и ВЧК с просьбой поручить им «пересмотр концентрационных лагерей для выбора заложников из среды заключенных югославян»²⁴.

Как и в случае с В. Марковичем, не получившим поддержки со стороны ИККИ в его споре с Руднянским и Бухариным, эта инициатива была превратно истолкована работниками ЦК и чекистами. Те не пожелали делиться полномочиями с членами ЦЮБ, арестовав их самих в июле 1921 г. А наш герой, напротив, по словам Горкича с Брацановичем, «был освобожден под условием больше не заниматься пропагандой и агитацией за идеи коммунизма, и вернулся в Черногорию. Спустя некоторое время по возвращении из Белграда т. Маркович поднял вооруженное восстание крестьян Пипери и отчасти Белопавличи и с красным знаменем с надписью “*Вся власть Советам*” двинулся на ближайшие жандармские станции и города». Безнаказанность подобных действий, разумеется, не могли обеспечить никакие заложники: «Под сильным напором правительственных войск

23 Свидетельство распространенности подобной практики приводит в своей книге И. Роникер-Ольчак: «2 октября 1920 года Адольф Варский, один из основателей коммунистической рабочей партии Польши, послал из Берлина в бюро польской партии большевиков в Москве резкое письмо, торопя товарищей поспешить с обменом политических заключенных между Советской Россией и Польшей. Он писал: “Долго вы еще будете держать в России польских идиотов, или нет, белой Польши им не спасти, и от этого не выиграет ни Польша, ни Россия [...] Какого черта из-за этого страдают наши лучшие люди, почему должны пропадать их силы и способности? [...] Прекрасные головы, замечательные публицисты, великолепные организаторы. Все эти товарищи уже неоднократно побывали под судом, а значит им грозит, по крайней мере, четыре года тюрьмы, и не исключено, что в самых тяжелых условиях”». (*Роникер-Ольчак И. Указ. соч. С. 169*).

24 Москва-Сербия, Белград-Россия... С. 259.

часть повстанцев сдалась, а часть во главе с т. Марковичем отошла в горы и продолжала вести партизанскую войну».

Спустя три года (!) изможденный «предтеча Че Гевары»²⁵ с группой сторонников решил прервать свой анабасис, вступив в переговоры с властями: «И когда окружной начальник дал письменное ручательство, что ни т. Маркович, ни кто-либо из его товарищей не будут привлекаться к ответственности за свою революционную деятельность, он в 1924 г. сдался, но был горько обманут и на третий день после сдачи арестован. После ужасных пыток, будучи скован в цепях по ногам и рукам и всех издевательств со стороны властей, т. Маркович был отправлен в сумасшедший дом, где пробыл около года».

В марте 1926 г. узнику югославско-монархической карательной психиатрии, при помощи товарищей по КПЮ, «посчастливилось бежать из сумасшедшего дома». И снова ему пришлось «несколько месяцев томиться по пещерам Черногории», пока его не переправили в Австрию. Там В. Маркович опять оказался в тюрьме, из которой его удалось выволить благодаря международной кампании поддержки, в которой, в частности, участвовал Анри Барбюс.

В сентябре 1926 г. В. Маркович прибыл в СССР, и, по рекомендации представительства КПЮ при ИККИ, снова вступил в ВКП(б). Скитания по неприступным горным вершинам подорвали здоровье «большевистского буреизвестника», которому потребовалась продолжительная реабилитация в санаториях Крыма. Но и на отдыхе он не утратил партийной бдительности, о чем свидетельствует его «заявление» в Центральную контрольную комиссию ВКП(б) и ЦКК Коминтерна (1929):

«Укусила... меня бешеная собака, 1929 г. В мае месяце профессор Констанцев в Симферопольском Пастеровском институте делал мне подкожные антирабические («противобешенство») впрыскивания. Он не подозревал, что я ленинец-большевик, и каждый раз, когда вонзал мне иглу в живот... с большой иронией говорил: «Маркс дурак, а Ленин, хотя и не дурак, но подлец и бандит»,... «Сталин идиот»...

– А как Бухарин? – я его спросил.

– Ничего, теперь он лучше стал.

[...] Когда Констанцев узнал, что я Вукашин Маркович, он ужаснулся. Через несколько дней его сын стреляет в мое окно, а проф. Кон-

25 Marković V. Op. cit. S. 10.

станцев на мой протест публично агитирует, что Вукашина Марковича преследуют бредовые идеи... Не удивило меня отношение ко мне проф. Констанцева, но меня поразила связь и осведомленность между проф. Констанцевым и проф. московскими Залкиндом²⁶ и Ганушкиным²⁷. ... а мне известно, что тот же проф. Ганушкин московский писал сербскому правительству в Югославии, что Вукашин Маркович страдает бредовыми идеями ленинизма, большевизма и коммунизма»²⁸.

Вернувшись в Москву В. Маркович активно включился в межфракционную борьбу, охватившую югославскую коммунистическую диаспору в СССР²⁹. В частности, он оказывал поддержку «левым» студентам Югославского сектора Коммунистического университета национальных меньшинств Запада³⁰ (КУНМЗ), среди которых оказалась и его племянница Стоя Маркович. Вместе со своими однокашниками в мае 1929 г. она подписала обращение к Политсекретариату ИККИ, известное как «Платформа 41». Авторы письма требовали снятия с должности ректора КУНМЗ М.Я. Фрумкиной³¹, которая обвинялась ими в «оппортунизме, бюрократизме и протекционизме», «поддержке правых и примиренческих течений и групп... хвостизм[е] по отношению линии ВКП(б) в вопросах борьбы с правыми в ВКП(б)»³² и т.д. Как и следовало ожидать, подписанты потерпели

26 Залкинд Арон Борисович (1888-1936) – советский психиатр, педолог. В 1936 г. подвергся преследованиям по партийной линии за «фрейдизм». Умер от инфаркта после партсобрания.

27 Ганнушкин Петр Борисович (1875-1933) – выдающийся русский, советский психиатр.

28 Москва-Сербия, Белград-Россия... С. 381.

29 Лидером «правых» считался Сима Маркович, «левых» – Коста Новакович (псевдоним Петр Драгачевац).

30 Коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Ю.Ю. Мархлевского (КУНМЗ) – учебное заведение Коминтерна, работавшее в 1922–1936 гг. Учрежден декретом СНК РСФСР от 28 ноября 1921 г. Первый ректор – Юлиан Мархлевский. Университет состоял из различных секторов: еврейского, латышского, польского, немецкого, югославского, болгарского и т.д. Закрыт в 1936 г.

31 Фрумкина Мария Яковлевна (наст. фамилия и имя Лившиц Малка Янкелевна) (1880–1943) – советский партийный и государственный деятель, участница еврейского социал-демократического и коммунистического движения. Один из лидеров левого крыла Бунда, член руководства Еврейской секции РКП(б). Принимала участие в подготовке и издании на идиш сочинений В.И. Ленина. Автор биографии Ленина на идиш. Проректор и ректор КУНМЗ (1922–1936 гг.). В 1938 г. арестована, осуждена на 8 лет. Умерла в лагере близ Караганды.

32 Москва-Сербия, Белград-Россия... С. 304.

поражение. Зачинщиков смуты уличили в троцкизме и исключили из университета. По словам сохранившей свою должность Фрумкиной, «чистка и партвоспитательное воздействие привели к оздоровлению сектора, к снятию всех подписей, к широкому саморазоблачению подавляющего большинства бывших фракционеров и полному изживанию большинством своих ошибок».

В. Маркович, разумеется, не мог остаться в стороне от творившейся, с его точки зрения, несправедливости. Рассчитывая на свой авторитет, он обратился в ЦКК ВКП(б). Красноречивое описание того, к чему привело это заступничество, содержится в очередном «заявлении» в ЦКК ВКП(б) и ЦКК Коминтерна:

«1929 г., месяца октября, 25 дня я зашел в ЦКК ВКП(б) в кабинет т. Сольца³³ с целью получить ответ на мою жалобу по поводу разгрома левыми и правыми оппортунистами Югославии большевистского ленинского ядра на Югославском секторе западного университета. Это был мой третий приход к т. Сольцу, так как я предварительно два раза перед последним разом просил Сольца пересмотреть дело югославское... Два раза Сольц был сдержан по отношению ко мне, соглашался со мной, что ректор Фрумкина путаница, оппортунистка и скрытная, старая бывшая контрреволюционерка, но сердобольно сожалела о недостатках Фрумкиной, все-таки т. Сольц настаивал все ей простить и оставить в покое... Третий раз я явился к Сольцу, протянул ему свою руку, но – увы, Сольц разъяренно стиснул зубы, сжал кулаки... потом их поднял вверх и со всей силой бултыхнул кулаками об стол: “А, ты опять пришел, а кто ты... А я позову сейчас милицию” – и подобно злому тигру в клетке стал Сольц бегать туда сюда по комнате, угрожая мне арестом...

Я удивленный вышел в коридор, подошел ко мне милиционер. “Что случилось, т. Маркович. Что ты, бить хочешь т. Сольца что-ли?”, - спрашивает меня милиционер. “Нет, милый мой, я Сольца бить не хочу кулаками ни за что, хотелось самокритикой позаняться с ним, но он перешел на физическую силу, а я душить его не намерен ни в коем случае”.

33 Сольц Арон Александрович (1872-1945) – член РСДРП с 1898 г. член ЦКК РКП(б), председатель юридической коллегии Верховного Суда, один из участников массовых репрессий 1930-х гг. Противник А.Я. Вышинского, в 1937 г. обвинивший его в фальсификации уголовных дел и потребовавший расследования его деятельности. В 1938 г. помещен на принудительное лечение в психиатрическую клинику, в которой скончался в 1945 г.

[...] Неужели его так очаровала иезуитка Фрумкина, которая одевается флагом ленинизма, для того, чтобы преследовать ленинцев, отравлять ядом оппортунизма молодые неискушенные сердца.

Балканская политика нелегка, балканскую политику нельзя вести [ни] через... Руднянского, ни через больного истерией Сольца. [...]

Если, товарищи, считаете, что мое мнение... неправильно... вызываю Вас на самокритику, на соревнование по ленинской диалектике. [...]

Итак, с ленинским, большевистским, коммунистическим приветом,

Ваш друг

*Вукашин Маркович*³⁴.

О том, как наш герой жил в 1930-е гг., мы знаем немного. Беловская справка сообщает, что до 1932 г. он работал на заводе «Серп и молот», а затем получал «персональную пенсию». Проживал в Москве по адресу «Сокольническая, д. 9». Согласно биографической справке от 1963 г., составленной старшим оперуполномоченным отдела КГБ при совете министров СССР Губановым, В. Маркович «неоднократно обращался с письмами в адрес ЦК ВКП(б) и Советского правительства по самым различным вопросам»³⁵. Некоторые из этих писем приведены в настоящей работе. О содержании иных «заявлений» в своих воспоминаниях пишет Родолюб Чолакович³⁶, встретивший партийного товарища в 1933 г.: «Под мышкой у него была потрепанная сумка, так плотно набитая разными текстами, что она не закрывалась. Не поздоровавшись и не спросив меня о моем самочувствии, он сразу начал рассказывать о своем споре с какой-то редакцией, которая не желала публиковать его статью. В ней он доказывал, что Сталин был неправ, когда утверждал, что в 1917 г. придерживался ленинской линии, сформулированной в Апрельских тезисах...»³⁷.

Безнаказанно публично распространяться о неправоте Сталина удавалось довольно долго. По-видимому, это объяснялось тем,

34 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 277. Д. 1903. Л. 6-9 об.

35 Москва-Сербия, Белград-Россия... С. 361.

36 Чолакович Родолюб (1900-1983) – югославский партийный и государственный деятель. Член КПЮ с 1919 г. В СССР прибыл в 1933 г. Участник Гражданской войны в Испании. Во время Второй мировой войны – один из руководителей партизанского движения. В социалистической Югославии – первый председатель правительства Народной республики Босния и Герцеговина.

37 https://sh.wikipedia.org/wiki/Vuka%C5%A1in_Markovi%C4%87#cite_ref-10

что у партийного руководства и органов сложилось о Марковиче определенное мнение, приведенное в неоднократно процитированной справке за подписью Белова: «Т.т. Власов и Дравич³⁸ (сотрудники аппарата ИККИ) утверждают, что МАРКОВИЧ действительно психически больной».

Однако, «сколько веревочке ни виться, а конец будет». Для начала в 1936 г. у пенсионера республиканского значения «при проверке партийных документов был задержан партбилет до выяснения». А в мае 1937 г., как сообщает Губанов, В. Маркович сам «был задержан НКВД СССР и направлен на судебно-психиатрическую экспертизу. Как указано в акте медицинской комиссии от 11 мая 1937 года, МАРКОВИЧ “страдает душевным заболеванием в форме параноидной шизофрении с выраженным систематизированным бредом преследования и переоценке своей личности...”. По постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 27 июня 1937 г. МАРКОВИЧ В.М. был направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу».

Медкомиссии НКВД у нас оснований верить (или не верить) ничуть не меньше, чем утверждениям В. Марковича, будто он был «главным врачом в главном госпитале» и «близким другом Троцкого». Напомним, что у А. Сольца органы тоже диагностировали сумасшествие, которое проявлялось в том, что он, по словам А.И. Микояна, «рассматривал дела репрессированных и считал, что они неправильно привлечены к ответственности»³⁹. И того, и другого «под предлогом сумасшествия увезли в тюрьму, куда помещались такие “сумасшедшие”, и где люди скоро действительно сходили с ума или умирали».

Судьба «безумных романтиков» служит важным уроком, приближающим к пониманию исторического пути России в XX в. Во многом революция и гражданская война с ее катастрофическими последствиями - дело их рук. Однако с Марковичем и Сольцем расправились люди и созданные ими репрессивные институты куда более последовательные в своем людоедстве. Эту «эволюцию» мы наблюдаем

38 Дравич Альберт (псевд., наст. фамилия и имя Салай Джуро) (1889–1958) – югославский общественно-политический деятель. Член КПЮ с 1919 г. В СССР – с 1930 г. Представитель КПЮ в ИККИ. В 1940–1942 гг. редактор югославской редакции в Издательстве литературы на иностранных языках. Референт отдела печати ИККИ. Вернулся в Югославию в 1944 г. Член Политбюро ЦК КПЮ.

39 <http://militera.lib.ru/мемо/russian/mikoyan/03.html> (Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. Глава 23. «Убийство Кирова и начало сталинских репрессий».)

в документах, повествующих об иностранных коммунистах, решивших «помочь строительству социализма». Действительно, «сталкиваясь лицом к лицу с чужим, мы смотрим в зеркало, в котором узнаем самих себя»⁴⁰. В 1921 г. товарищ В. Марковича по партии Д. Видневич не стеснялся выяснять у ВЧК – за что та арестовала членов Центрального югославянского бюро. В 1942 г. главный кадровик Коминтерна признается: «Установить точно, был ли арестован органами НКВД Маркович, или находился в доме для умалишенных, не представляется возможным». Очевидна суть затруднения, в котором оказался Белов. Во-первых, обращаться с таким запросом в ведомство Л. Берии было безрассудно. Во-вторых, бесперспективно: в 1942 г. немного осталось в живых тех, кто совершал аресты в 1937 г. Важным свидетельством эпохи служит и недосказанность, характеризующая справку Губанова. В документе, составленном, дабы ответить властям ФНРЮ/СФРЮ, - куда же делись их соотечественники, - ничего не говорится о том, что стало с В. Марковичем после отправки на принудительное «лечение». Его участь настолько банальна, что бессмысленно лишний раз напоминать о ней.

40 Цит. по: Срби о Русији и Русима. Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750-2010): Антологија / Пр. М. Јовановић. Београд, 2011. С. 13.

Alexander Silkin, Ph.D.,
The Institute of Slavic Studies Russian Academy of Sciences

Vukashin Markovic as the “mirror of the Russian revolution”

Abstract: The article reconstructs the revolutionary career of the Montenegrin communist Vukashin Markovic. Just like after the 20th party congress the myth of the “Lenin Guard” spread across the Soviet Union, the Eastern European countries also began to lament aloud about the fate of their own communists who fell victim to the “Stalinist purges”. On one hand, that’s how was manifested the weakening of the political and ideological oppression of Moscow, to which “the countries of people’s democracy” were exposed. On the other hand, since the 1920s all significant processes and campaigns that took place in the RCP (b) / VKP (b) / CPSU were copied in one form or another in the vassal communist parties. The fate of the foreign communists in the USSR serves as an important lesson that helps to understand the historical path of Russia in the 20th century. In many ways, the revolution and the civil war with its catastrophic consequences are the work of their hands. However, those “crazy romantics,” as Andrzej Wajda called them, were dealt with by people who were much more consistent in their cannibalism. We trace this “evolution” in documents related to foreign communists who decided to “help build socialism” in Russia.

Keywords: Vukashin Markovic, Montenegrin communist, revolution, Russia, Yugoslavia, Komintern, repressions